

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

17.10.2014

№10 (43) Октябрь 2014 года

От «Каблуков» до «Светлячка»
Тянулись ниточки клубка.
Из этой пряжи стих сплетён.
В нём запах старых бельских рощ,
И над Торопцем древним дождь,
Что ветерок с Двины принёс,
И Пено золотистый плёс,
И с берегов Межи поклон.

Мы – нити одного клубка
От «Каблуков» до «Светлячка».

М. Петрова

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ...

*Поэтам постоянно
действующего семинара
западных районов Тверской
губернии*

в городе Андреаполе

– Почему, проклятые,
Джинсы на вас мятые?!
– Девки в Андреаполе
За штаны нас цапали.

– А откуда это, блин,
На рубахах сено?!

– Так... закончился бензин –
Заезжали в Пено.

Там и встали... Благодать!
(Дело-то мужицкое).

Мы б остались ночевать,
Если б не Карпицкая.

Та на нас пошла горой:

– Ночью ехать струсили?!

– Что ты, Валя? Мы ж с тобой
Хоть до Белоруссии!

– Вань! Нельзя ли сделать крюк
К Людочке в Нелидово?
Как «зачем»? А, что? А вдруг...
Со счетов не скидывай.

Ах, в Осташков сильно хошь?
За каким... подарочком?
Ну, давай, ядрёна вошь,
Завернём к русалочкам.

Нам до Ржева – хоть бы что!
И до Селижарова.
Сдюжим. Справимся. А то!
Где ты видишь старого?!

Жаль, что Бельских нет одних,
Да ещё торопецких!
Ладно – ладно, пусть у них
Силушек подкопится.

Федя! Кто там – «хи-хи-хи»?
Что вы, детки родные?!
«Не стихи?». Стихи-стихи.
Русские. Народные.

**Владимир Львов,
село Каблуково.**

• Дух поэтического братства

МЫ НИТИ ОДНОГО КЛУБКА

Эта встреча в Андреапольской библиотеке планировалась как поэтический семинар для поэтов западной зоны области с приглашением на неё Владимира Львова, основателя «Каблуковской радуги» (известного в Твери поэтического фестиваля), и ещё нескольких тверских поэтов, стоявших у истоков этого движения. Пригласили на неё и читателей, любящих поэтическое слово.

Дело в том, что все приехавшие на встречу поэты и познакомились в Каблукове, стали постоянными участниками Каблуковских встреч, печатались в сборниках и альманахах, многие награждались дипломами и грамотами. То есть уровень их поэзии был достаточно высок, что и подтвердилось выступлениями и аплодисментами зрителей.

Не обошлось и без обычных для поэтических капустников дружеских шаржей, шутливых текстов, где на первом месте не качество техники стиха, а весёлая шутка.

Работники библиотеки как всегда гостеприимно и радушно встретили и поэтов, и зрителей. Ведь все мы, по большому счёту, читатели.

• Мы помним Вас
**Престольный мой
град,
Андреаполь...**

*Мелькание жёлтых жуланов
В промытом проёме окна.
Мой месяц, мой самый желанный.
Опять к октябрю я одна...*

*И руки засунув в карманы,
Куда-то иду наугад.
Мой маленький город желанный,
Мой месяц и мой листопад.*

Это отрывок из стихотворения тверского поэта Галины Безруковой. И написан он о нашем городе, где она любила бывать. Наша газета в апреле 2012 года уже писала о ней и представляла подборку её замечательных тонких стихов, приносив материал к месяцу её гибели.

Новый повод обратиться к этому имени опять появился. Этим летом наш земляк, Александр Вихров, живущий и работающий в Москве, а когда-то работавший с Галиной в областной молодёжной газете «Смена», подарил в Андреапольский краеведческий музей посмертный сборник её стихов, выпущенный за его счёт.

Сборник называется **«Ничейная птица»**. Стихи в нём так же светлы и пронзительны, как и в прежних её книгах.

Мы вспоминаем о ней в октябре потому, что это был её любимый месяц, месяц рождения. Апрель стал последним в её жизни, что было ею предсказано:

*Может быть, я в таком же апреле,
Как берёза, вздохну и умру».*

Стихи не о смерти, о жизни. Непростой, но прекрасной. И о нас с вами:

*Свеченье серебряных капель.
Пустынных садов забытьё.*

*Престольный мой град, Андреаполь,
Осеннее царство моё.*

М. Петрова

**Галина Аркадьевна
Безрукова**
(октябрь 1948 – апрель 1999)
* * *

В синем лесе за деревней
Замираю и немею:
Там лягушки все – царвны,
И Горынычи – все змеи.

Что ни птица – то жар-птица,
Что ни тропка – в теремок.
И живая бьёт водица
Из-под камушка у ног.

Молока из чудо-речки
Хватит всем – и мне, и вам.
И, конечно, первый встречный
Обязательно Иван.

* * *

А звёзды падали в колодец
Серебряным потоком круп.
В осколки мелкие кололись
О деревянный старый сруб.

Я доставала их под утро
И вёдрами носила в дом,
И заводила тесто круто
Со звёздами и молоком.

Я поливала щедро гряды.
Из звёзд – настой. Из звёзд – навар.
И третий раз, наверно, кряду
Разогревала самовар.

Я чисто выстирала скатерть,
И влажный пол от звёзд блистал...
В ведре осталась малой каплей
Моя заветная звезда.

* * *

Ничего нельзя переменить,
В прошедшем не поправить ни минуты.
Тебя пугали призрачные пути.
А это паутины тонкой нить.

Меж двух стволов натянута она,
Не связывает, не неволит – где там!
Пунктирно обозначенная летом,
Сама порваться, видно, не вольна.

И скрипнул ствол, качнувшись на ветру.
Хлестнула ветвь с немислимою силой.
...Ну как тебе теперь, спокойно, милый?
А я всё паутину не сотру.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 2).

* * *

А окна выходили в сад.
И двери выходили в сад.
И гости выходили в сад.
И все садились на лужайке.
Царил в усадьбе мир и лад,
И царственнее всех наград
Был взгляд пленительной хозяйки.

Темнело... возвращались в дом.
И долго гости за столом
В гостиной пили чай с вареньем.
И пахло от волос и рук
Прелестных молодых подруг
Июньской пряною сирень..

Дом постепенно засыпал.
Сад лепестками засыпал
Крыльцо, приезжую карету.
И было бы совсем темно,
Когда бы не одно окно –
Оно светило до рассвету.

* * *

И я не побоялась быть смешной,
Намокшая, с букетом листьев красных,
Войдя в твой шумный дом, весёлый,
праздничный,
И не подругою. И не женой.

И я не побоялась мёртвых глаз.
А может, не заметила их вовсе.
«Любимый, знаешь – осень началась.
Любимый, в Подмоскowie – осень!»

О как меня тогда стыдился ты,
А я ещё того не понимала,
Растерянно с паркета поднимала
Рассыпавшиеся листы.

Была, как видно, осень не про нас.
И не про нас её вино хмельное.
Ну что же ты завидуешь сейчас
Тому, кто осень повстречал со мною?

* * *

Не всё равно, с кем пить вино,
С кем песню петь и петь какую.
Но выбора мне не дано.
Одна остаться я рискую.

Тебя не обвиню ни в чём.
Какой ни есть, но ты безвинный.
Раз птица рождена грачом,
Не спеть ей песни соловьиной.

Склоню покорную главу,
Привыкну к твоему обличью.
И даже другом назову
Со скидкой на твоё беспитие.

* * *

Рассвет был густо ал, как плащ
Победоносца на иконе.
И плыли розовые кони.
И луг был влажен и блестящ.
Цвели какие-то цветы,
Которым и названья нету.
И парни с ликами святых
Древне-коричневого цвета
Не торопясь куда-то шли
В ковбойках выцветших неярких.
Полынью пахло от земли,
Лампадным маслом и соляжкой.
А я качала дочку Настю,
И путал мой усталый глаз
Окно, распахнутое настезь,
И бабушкин иконостас.

* * *

Царило в городе цветенье.
Шмели слетались. Разлетались.
Мы шли поврозь, но наши тени
У нас за спинами сплетались.

И ни о чём ещё не знали,
И не боялись нежной пыли.
Они друг друга нагоняли
И, счастливо сомкнувшись, плыли.

Соприкасались головами,
Траву безбольно задевая.
Но что же, тени, делать с вами
На остановке у трамвая?

Мы приняли уже решение.
Таких вовек не изменяют.
А наши тени... Что же тени?
Пускай живут себе как знают.

* * *

Казалось, нет причины для тревоги.
На небе даже туч ещё не видно.
Но мудрый одуванчик у дороги
Запратал золотую сердцевину.

Так что же мы доверчиво, наивно
Надеемся на чудо до конца?
Ведь намертво исхлестывают ливни
Ничем не защищённые сердца.

• Новые стихи

Наталья Шабанова
ТО, ЧТО ДОРОГО

К Родине любовь у нас особая
Как и мать, её не выбирают.
И душой простою и беззлобною
В радости и в горе принимают.

Что дороже в свете нет и краше
Той земли, где довелось родиться,
Где грачи взлетают с чёрных пашен,
Из-за леса солнышко струится.

Нет роднее зорьки и заката
И букета из ромашек белых,
Кузовка грибного аромата,
Шороха листов заиндевелых.

Инея на веточках берёзы
И на лапках ёлки новогодней.
Капельки росы- травинки слёзы
Нам милее золота сегодня.

Синий плат над Родиной великой
И гнездовья птиц в весеннем гаме.
Родина, как мать, в священном лике
С детства и до тризны будет с нами.

МОЁ ДЕТСТВО ДЕРЕВЕНСКОЕ

Я не знала шума города,
Золотых его огней.
И манила меня смолоду
Даль ромашковых полей.
Несказанная, незваная
Грусть тоскующей земли
И скамейка деревянная
Под берёзкою в тени.
Я до боли, до отчаянья
Влюблена в цветущий лён
И в тебя, сирень печальная,
И в тебя, мой старый клён!
Ах, луга мои привольные,
Запах клевера и ржи,
Песни в праздники престольные,
Те, что пелись от души.
А ещё дымок над крышею,
Огонёк в родном окне.
Моё детство деревенское,
Как же нравилось ты мне!

О ЛЕТЕ

Бродит лето по тёплым лужам
С пузырями в воде играя.
А над лесом – большое кружево –
Сетка-изморось дождевая.

ЧУВСТВО ЛЮБВИ

Моё лицо горит в твоих ладонях.
Как хорошо от этого тепла!
Мой ангел верный всплыл на небосклоне
И бросил два спасительных крыла.

Мы помолчим, пусть тихо тают свечи,
О чувствах вмиг поведают глаза.
Нам хорошо, и пусть продлится вечер
Ещё чуть-чуть, хотя бы полчаса.

В твоих руках легка я и послушна,
В твоих глазах, как в омуте, тону.
Была к любви я как-то равнодушна,
Теперь – в её мучительном плену.

Но этот плен я ощущаю раем
И из него не хочется бежать.
Мы всё не так порою принимаем,
Но я хочу тем воздухом дышать.

НАШ СНЕГОПАД

Свет от фар пронзает темноту,
На капот ложится мягкий снег.
Все кусты, как яблони в цвету,
И машина замедляет бег.
Мы вдвоём, и этот снегопад
Только наш сегодня, только наш.
Говорим о чём-то невпопад,
Закружил нас сказочный мираж.
Тихий шёпот, жаркий поцелуй,
И на свете только этот снег.
Боже милый, без НЕГО смогу ль?
Как мне дорог этот человек!

От цветного листопада
до сиреневой пурги
дышит русская прохлада,
чертит снежные круги.
Санним скрипом слух тревожит,
хрустом веток в тишине.
Звёзды к месяцу приложит
и уснёт в немом окне.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Вновь закружилась зима – белая карусель.
В снежном убранстве дома. Старая стонет ель.
В поле лишь санный след и перехлест ветров.
Синий да белый цвет – признак иных миров.

Снежная высота в снежную падает даль.
Вот бы упасть туда! Крылья поломаны. Жаль!

• Новые стихи

Маргарита Петрова*Пете Ермакову*

Бабушкина отрада
Шпарит стихи наизусть:
«Грубым даётся радость...».
Слушай кондовую Русь.

Строки тревожат, печат:
«Нежным даётся печаль»,
Будто нам кутают плечи
В простонародную шаль.

В сквере свежо весеннем.
В детских устах не странны
Эти слова Есенина:
«Иль я не сын страны?».

Чует малыш трёхлетний,
Вряд ли вникая в суть,
Что он прямой наследник
Певшего русский путь.

Бабушка-филологиня
Внуком безмерно горда:
Разве Россия сгинет,
Ей ли страшна орда.

* * *

Во мне обиды долго не живут,
Что их копить, как ветхий хлам ненужный.
Души моей старательный уют
Им не нарушить даже ночью вьюжной.

И без меня вернётся всем с лихвой,
Судьба – специалист по бумерангам.
Вчера ещё был гордый верховой,
Сегодня жизни нюхаешь изнанку.

Прощение из множества даров
Я выберу и протяну вам руку.
Обидчиков под пение ветров
Хвалю за выживания науку.

* * *

Когда уснула, и не вспомню,
До четырёх ещё ждала.
Пугал покой пустынных комнат,
И ангел опускал крыла.

Но прохватила от прохлады,
Когда лишь занимался день.
Густым настырным ароматом
Переполюняла дом сирень.

Ведро сирени у кровати!
И ты сопишь в моё плечо,
Уже ни в чём не виноватый,
На веки вечные прощён.

Так мне казалось. Осторожный,
Скрывал предательство три дня.
С тех пор измена вкупе с ложью
Сиренью пахнет для меня.

ГРАММАТИКА РАЗЛУК

Листвой процеженное солнце
Ложилось под ноги узором.
Меня заметив, жестом скорым
Ты занавесился в оконце.

Какая детская уловка
И страусиная привычка.
Как будто бы закрыл кавычки,
Цитату оборвав неловко.

Ты пренебрёг прямою речью,
Похоже, сплетням верил слепо,
И стала комиксом нелепым
Несостоявшаяся встреча.

А солнце словно потешалось:
Сердец выписывало строчки,
Их превращая в многоточья.
Для солнца это просто шалость,
Письмо забав. Какая жалость!

* * *

В подпитии он ей звонил,
И вспоминал, и вспоминал:
От пальцев в пятнышках чернил
До приглашения на бал.

И в путаных его речах
Закат волнующий пылал,
Соперник робкий в горе чах,
Сражённый ею наповал.

Как будто нет важней забот,
О давней говорил весне.
Ни полсловечка про развод
И о второй своей жене.

Признаньем полнился эфир.
Он ей под кожу, в душу лез,
Забыв допить ночной кефир
И сполоснуть зубной протез.

• Показалось...

Чей будете?

Тула. Старинный город. Не поверите, на целый год старше Москвы. История, его жители, само местоположение, располагало к самоуединению. Так, видимо, и семья Льва Толстого находилась всего лишь в десяти верстах в своём именном поместье, по соседству с графом Волконским в Ясной Поляне.

По воле случая нам с Верой (моей женой) посчастливилось побывать в этом земном раю, согласно поговорке: «...каждый человек должен посетить Ясную Поляну просто для души...», окунуться в ту «беззаботную» жизнь наших предков. Решено – едем. Даже не в коляске с парой лошадей, не на тройке русской, а на такси. Дорога из Тулы к месту назначения, не колея для телеги, а асфальт, современная технология устройства шоссе дорог.

А вот и такси. Сели. Поздоровались с водителем. Посмотрели друг на друга, и что-то неуловимое в лице водителя заставило напрячь память, угадывались знакомые черты человека, которого, недавно видели в путеводителе Ясной Поляны.

– Вы, случайно, не потомок Льва Николаевича, - в один голос спросили мы у нашего таксиста.

– Похож, да? Мне многие говорят об этом. Нос картошкой, лицо грубоватое, телосложением удался, хоть экспертизу делай. Да всё некогда. Вот только, боюсь, всю правду о себе узнать. Вдруг совпадёт...

Я, Вера и её двоюродная сестра Надя громко рассмеялись. За такой милой и весёлой беседой незаметно промчались семнадцать минут. Совсем незначительное время для разговора, но, думаю, этот случайный разговор нам долго будет ещё вспоминаться. Да и самому Геннадию, ведь Ясная Поляна рядом с Тулой, и потомки Льва Толстого могли встретиться на развилке двух дорог у края Косовой Горы. Остаётся одно – ДНК. А может, не надо. Мало ли что из этого потом получится...

Владимир Сучков

• Вспоминая лето

Галина Андреевко

Собирает лето чемоданы –
Уезжает в теплые края.
Не поеду я за ним в чужие страны.
Согласитесь, это как-то странно,
Если лето догонять отправлюсь я.

Пусть увозит – я не пожалую! –
Теплоту прогретого песка,
Шепоты задумчивой аллеи,
Все закаты, что застенчиво алели,
Если целовала их река...

Изумруды листьев пусть увозит,
Разнотравье и цветочный мед.
Прощаюсь. Не озвучу просьбы.
Все равно хозяйкой новой осень
На свой вкус затеет здесь ремонт

Перекрасит и перелопатит,
Пересушит и переметет,
Желтую на стол постелет скатерть,
Нас волной остывшею окатит,
Занавесит тучей небосвод

Мне не грустно. Лета отпечаток
Кожа загорелая хранит.
В памяти надежно запечатаны
Отраженные в воде огни закатные
И глубокий неба лазурит

Запахи пьянящие, полынные,
Теплые касания песка,
Улицы, по вечерам пустынные,
Окрыляющие трели соловьиные,
Пляшущее пламя костерка.

Встречи. Целования. Прощания.
И глаза, что смотрят нежно вслед.
До свиданья, лето. До свидания.
Девять месяцев разлуки, ожидания,
И я весело скажу тебе: "Привет!"

Пётр Бобунов

Может быть, напоказ,
Может быть для потехи –
Выманит яблочком Спас,
Выдаст потом на орехи.
Дни, набирая прыть,
Быстро сведут к Покрову.
Тут уже не забыть:
Был ещё Спас медовым!

• На конкурс: «Это было со мной в Андрееполе»

КРУГОВОРОТ МИРОВ

Герцогство Смоленско-Литовское, Графство Андрееполь, 2489 год от Рождества Христова

Старый потрепанный глайдер с полустертой надписью «Плотва» на борту приземлился на крыше графского замка, глухо бухнув о камни. Посадку трудно было назвать мягкой. Из-под откинувшегося блистера, тихо матерясь по-польски, вылез средних лет человек в кожаных доспехах и двумя полуторными мечами за спиной – обычным стальным и серебряным, покрытым древними рунами. Лицо его было обычным – суровое не улыбочивое лицо бывалого наемника, но прическа, абсолютно белые длинные волосы и медальон в виде головы волка на шее выдавали его за версту.

– Геральт! – Почти радостно вскричал подошедший седой господин, статный, богато одетый с небольшой бородкой и пронзительными коричневыми глазами. – Я рад, что ты здесь!

– Вы не оставили мне выбора, граф! – В голосе гостя сквозила неприкрытая ненависть.

– Выбор есть всегда, ведьмак, – теперь граф говорил подчеркнуто холодно, будто сожалел о недавнем проявлении эмоций. – Но я знал, что ты поступишь именно так.

– Где она? Я должен ее увидеть!

– Ты не в том положении, чтобы торговаться. Она внизу, в темнице. И жива, конечно же. Твоих способностей должно хватить, чтобы это почувствовать. Помоги мне, Геральт, и я отпущу девчонку. Живую. Невредимую. Вместе с тобой.

– Что я должен сделать? – Слова Геральта все больше становились похожими на рычание.

– Через два дня мы будем отмечать 1000 лет со дня основания Андрееполя. На главной площади пройдет большой праздник. И его апогеем должна стать казнь. Робина Гуда нужно повесить, Геральт! Он докучает мне уже больше года. Поймай его для меня, Геральт. Поймай!

– Тайвин... – ведьмак настолько удивился, что даже забыл злиться. – В твоём распоряжении эскадрилья штурмовиков и два батальона космического десанта. Ты за год мог десяток раз просеять этот лес, как через мелкое сито.

– Они постоянно перемещаются. Чертовы разбойники. Мы сотню раз прочесали лес, но так и не нашли логово. К тому же их кто-то прикрывает магией. Думаю, Радагаст. Этот чудак почти не вылезает из чащи, но силен, зараза. Силен.

– И что я смогу за два дня?

– Все что угодно, лишь бы снова увидеть ее живой, Геральт. Ведь так?

На исходе второго дня поисков Геральт был уже вне себя. Следов Гуд не оставлял, и шансы найти его за такой короткий срок стремительно падали. А к угрозам графа стоило относиться серьезно. Он был одним из самых влиятельных дворян на обломках бывшей Росской империи не в последнюю очередь благодаря своей жесткости. И то, что он скоро подомнет под себя все герцогство – лишь вопрос времени.

Другое дело – Трисс. Пленить ее могли только несколько сильнейших магов мира, и если кто-то из них теперь служит графу, то дело – дрянь.

Забыв об осторожности из-за усталости и злости, ведьмак двигался уже далеко не так бесшумно, как всегда, но нечеловечески чуткий слух спас его в этот раз. Он вытащил меч сразу, как только уловил едва слышимый шорох вынимаемого оружия, и импульс лазерного пистолета, срикошетив от серебряного лезвия, лишь срезал несколько ветвей у соседнего дерева. Геральт улыбнулся про себя.

– Что за чудо эти современные сплавы, Робин. Они позволяют мне не отказываться от мечей даже в эпоху лучевого оружия.

– Мы знакомы? – Проговорила появившаяся будто бы из ниоткуда фигура в капюшоне.

– Я слышал о тебе, – осторожно ответил Геральт.

– А я о тебе. И я знаю, почему ты здесь.

– Тогда ты знаешь и то, что я не отступлю. Приступим?

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Робин без лишних слов вновь поднял оружие и выстрелил несколько раз, но это так же не принесло результата. Тогда Гуд широким, будто картинным жестом отбросил в сторону пистолет, одновременно доставая меч и нанося первый удар.

Ведьмак парировал, изредка контратакуя, выискивая слабые стороны противника. И их не было, пока Робин не совершил явную ошибку, поймав Геральта за ладонь, чего в этой позиции нельзя было делать категорически. Ведьмак среагировал мгновенно, выворачивая противнику руку и выбивая в сторону его меч.

Но, уже оглушив Гуда и взвалив его себе на плечо, Геральт понял, что же его беспокоило во время боя. Все четыре выстрела Робина, даже если бы не были отражены, все равно прошли бы мимо. На пару миллиметров, но мимо. Однако думать об этом было некогда: нужно успеть вернуться в замок.

Утро казни выдалось ясным. Тысячи людей собрались вокруг виселицы, пока пустой. По углам эшафота стояло четверо солдат в тяжелой броне со здоровыми бластерами в руках – элита графского космодесанта, вынужденная киснуть на должности замковой стражи. Геральт стоял в первом ряду, сжав кулаки, и ожидал представления.

Граф, сопровождаемый фанфарами и цветастыми речами герольда, вышел из замка под руку с молодой пышноволосой дамой, колючим взглядом осматривающей толпу. Ведьмак узнал ее, хотя раньше никогда не видел.

– Моргана... – прошептал он. – Все-таки Моргана.

– Люди Андреаполя! – Начал свою речь лорд Тайвин. – Нашему славному городу сегодня исполняется тысяча лет. На протяжении десяти веков мы пережили множество славных моментов. И сегодняшней день заслуженно войдет в историю! Робин Гуд наконец пойман!!!

Толпа взревела, вот только Геральт не рискнул бы предположить, что это – восторг или возмущение. Двое солдат, сопровождаемых палачом, вывели на площадь Робина и надели петлю ему на шею. Палач подошел к рычагу, открывавшему люк под ногами несчастного, злорадно ухмыльнулся и нажал на него. Люк открылся. Толпа бесновалась все сильнее, и это давало Геральту шанс.

Ведьмак вскочил на эшафот и знаком Игни пережег не успевшую распрямиться веревку. Робин ухнул вниз, больно ударившись о дно ямы, но остался жив. Одновременно Геральт вытащил меч и метнул его в Моргану – это был единственный шанс застать ее врасплох. Та успела среагировать, но слишком поздно, преимущество внезапности было на стороне ведьмака. Он оттолкнул опешившую стражу знаком Аард и кинулся на Моргану, замахиваясь вторым мечом. Та опомнилась и ударила в ответ стеной огня, вложив в нее под влиянием эмоций слишком много силы, забыв о том, что одновременно должна контролировать магические оковы своей пленницы. Геральта швырнуло на землю и обожгло, но задача была выполнена.

Снизу раздался взрыв, и спустя полминуты на площади появился новый участник действия – огненно-рыжая девушка в грязном неопределенного цвета платье, сопровождаемая тремя разношерстно одетыми мужчинами. Она сходу вступила в схватку с Морганой, не давая ей отвлечься на ведьмака. Граф пытался что-то кричать, но его уже никто не слушал. Толпа смела охрану, кто-то вытаскивал из ямы пошатывающегося Гуда, кто-то уже ворвался в замок, а кто-то поднимал с земли Геральта, сжимавшего в руке записку с прикрепленным к ней рыжим локоном. Её передал ему Робин во время боя в лесу. Она гласила:

«Геральт! Верь Робину, он наш друг. Его люди смогут освободить меня, но ты должен отвлечь Моргану, новую любовницу графа. Иначе нас обоих убьют. Всегда твоя, Трисс».

**Артём Виноградов,
Нелидово – Москва**

Михаил Никоноров**В М Н ?****Рассказ**

История эта может показаться выдумкой, но она произошла на самом деле. Поскольку её участники на три четверти живы, обозначим их буквами.

Житель Андреополя В*.

Житель Андреополя М*.

Житель Торопца Н*.

Написав это, я вдруг сообразил, что получилась трагическая аббревиатура из так называемых «сталинских» времён: В М Н – «высшая мера наказания», и что она имеет мистическое отношение к описываемой истории.

В* (не знаю, каким образом и при каких обстоятельствах) увёл собаку у Н*. Прошло несколько дней, и Н* (опять же не ведаю как) узнал имя и адрес похитителя. Прибыв в Андреополь, он взял меня и М* (поскольку мы были хорошо знакомы) в свидетели и отправился к В*. Мы втроём подошли к жилищу В*. Н* покликнул собаку и она, узнав голос бывшего хозяина, отозвалась.

Но событие развивалось совсем не так, как можно предположить. Н* взялся расспрашивать меня и М* о том, что представляет собой В*, как он относится к собакам. Поскольку я неплохо знал В* как человека в основном положительного (меня даже несколько удивил его поступок), а М* был опытным охотником-собачником, мы дали Н* обстоятельные ответы. Убедившись, что собака в надёжных руках, Н* сказал:

– Ладно, мужики. Не буду я вас втравливать в это дело. Пусть собака у него остаётся. Бог ему судья.

Сели мы в машину Н* и поехали по другим делам. Я тогда ещё подумал, что собачья верность – преувеличение.

Некоторое время спустя В* погиб в нелепейшей (если можно так выразиться) автокатастрофе. И сам В* был трезв, и другой водитель не виноват.

Так что это было – суд Божий? Если я и глуп, то не настолько, чтобы судить о делах Всевышнего. Всё же осмелюсь высказать предположение, что кража собаки – не повод для ВМН. Чистейшей воды случайность? Но случайность – это, как говорили ещё древние греки (а они были отнюдь не глупее нас) есть проявление непознанной закономерности. Совпадение? Да, совпадения впечатляют.

И вспомнилась мне одна литературная дискуссия. Обсуждали мы образ Вронского из романа Льва Толстого "Анна Каренина". Один из выступавших доказывал, что граф сей был человеком довольно легкомысленным, потому что на скачках его небрежное физическое движение привело к гибели лошади, а в дальнейшем его непродуманное поведение погубило Анну.

Просматривается отдалённая аналогия: пренебрежение правилами общечеловеческой морали – кража собаки – вылилось в пренебрежение к правилам дорожного движения, стоившее В* жизни. Насколько корректно моё суждение – не знаю.

Странная однако история.

**Михаил Никоноров,
г. Андреополь**

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Сорокин был заядлым курильщиком и чуть ли не через каждые пятнадцать минут бегал на улицу «подымить».

Вот и на этот раз он отложил ручку, закрыл тетрадь и окликнул сидящего на другом ряду командира второго звена капитана Паршикова:

– Валентин, пойдём отравимся!

Паршиков, единственный из всех сидевший в классе без шапки, отрицательно помотал лысой головой.

– Не хочу... Недавно ж курили!

– Полчаса уже прошло! – настаивал Сорокин. – Пошли!.. – и, видя, что товарищ не реагирует, сменил тон на крадучивый. – Угощаю! У меня – «Космос»!..

– Блин! – Паршиков бросил ручку и распрямился. – Пошли! Ты ж, красноречивый, и мёртвого уболтаешь!

Они принялись шумно выбирать из-за столов.

– Когда уже вы накуритесь, бычкососы?! – подал голос некурящий командир первого звена капитан Выдыш. – Ползаете туда-сюда, только тепло из класса выпускаете!

Завязалась обычная для таких случаев словесная перепалка.

И тут Сорокин, увлечённый разговором, вставая из-за стола, машинально опёрся голой рукой на стоящую в проходе «электроплиту». Я увидел, как ладонь кэза поехала по раскалённому металлу, как кусок сала по сковородке. Сорокин вскрикнул, отдёрнул руку и, согнувшись пополам, зажал обожжённую ладонь между коленями. В классе отчётливо запахло шашлыком. Мы вскочили со своих мест и обступили потерпевшего.

– Нормально... Нормально... – бормотал он, но по его лицу было видно, что ничего нормального нет.

– На улицу! В снег! – закричал Паршиков, и Сорокин с группой сопровождающих и сочувствующих с шумом и топотом выбежали из класса.

– Я всегда говорил – курить вредно! – прозвучал в установившейся тишине ехидный голос Выдыша...

В класс Сорокин уже не вернулся. После обеда на работе он тоже не появился – у него поднялась температура, а обожжённая ладонь превратилась в один огромный волдырь. Стало ясно, что летать он в ближайшее время не сможет.

Доложили командиру. Тот поворчал, но – делать нечего, что случилось, то случилось – приказал раскидать инструкторские полёты Сорокина по другим лётчикам-инструкторам. «Плановую» оперативно переделали.

На следующий день, во вторник, мы утром выехали на полёты. Поначалу всё шло, как обычно, но на предполётном тренаже выяснилось, что на аэродром не прибыл капитан Паршиков. Ситуация была неприятная, но не смертельная: мало ли, может, проспал человек отъезд, пешком, может, добираться, – всякое в жизни бывает.

Начались предполётные указания.

– Комэски, все на месте? – как обычно, перед включением магнитофона уточнил комполка.

Наш комэска Земляков поднялся:

– Паршикова нет.

– А где он?

Земляков виновато развёл руками.

В это время дверь распахнулась и в класс торопливо вошёл начмед. Подойдя к командиру, он что-то сказал ему на ухо. Глаза командира округлились.

– Когда?!!

– Часа два назад...

– Сильно?!!

– Не знаю. Сказали – лежит... Я «санитарку» послал.

Командир заиграл желваками.

– Так... – наконец произнёс он. – Начштаба, проводите предполётные... Полёты без меня не начинать!..

Доктор, подполковник Земляков и... замполит – со мной! – и, схватив со стола свою папаху, быстро вышел из класса.

Названные лица гурьбой устремились за ним. После их ухода в классе повисла недоумённо-напряжённая тишина...

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 11).

Начало полётов задержали почти на час. Паршикова с плановой таблицы вычеркнули. Соответственно, лишившись своего инструктора, остались без полётов и все лётчики его звена. Вернувшийся из городка Земляков поведал нам, что же всё-таки случилось с командиром второго звена в то роковое утро.

Паршиков собирался на полёты. Он уже надевал в прихожей куртку, когда в дверь постучали. На пороге возникла соседка.

– Валентин, выручай! Свет пропал! Санька мой – в наряде, только вечером придёт, а мне детей кормить!..

– Танюш, я ж – на полёты! – попробовал отвертеться Паршиков. – Мне уже выходить! Кого другого попроси.

– Да кого ж я попрошу?! – воскликнула соседка. – Все ж на работе!

Она не лукавила. Часы показывали половину девятого, и все мужчины уже действительно были на службе. Соседку надо было выручать.

– Ну, давай! Только быстро!

Валентин застегнул куртку, вооружился отвёрткой и плоскогубцами и вышел на лестничную площадку. Соседка уже ждала его возле электросчётчиков. К стенке была услужливо подставлена табуретка.

Паршиков взгромоздился на табуретку и попытался разобраться в хитросплетении соседских проводов.

– Санька мой там какую-то штуковину отгибает, а потом обратно загибает, – попыталась внести свою лепту в ремонт соседка.

– Тут штуковин этих!.. – пробормотал Валентин и, приблизив лицо к проводам, сунулся в них плоскогубцами.

В подъезде раздался продолжительный треск и на несколько секунд зажглось маленькое солнышко. Во все стороны, как от фейерверка, полетели искры. Соседка, закрыв голову руками, завизжала...

Паршиков очнулся в своей квартире. Он стоял посреди комнаты и сжимал в руках оплетённые пластмассой ручки от плоскогубцев. От самого инструмента ничего не осталось – почти двести граммов высококлассной легированной стали попросту превратились в излучение.

Валентин почти ничего не видел. Всю площадь поля зрения у него занимало одно полыхающее ярко-зелёное пятно. Лишь по краям этого пятна оставалась узкая полоска нормального изображения. Горело лицо. Горела лысая голова. Горели обожжённые руки.

– Валя, ты как?.. – услышал он сзади вкрадчивый голос соседки.

Паршиков обернулся. Соседка вскрикнула. Валентин видел внизу, под пятном, только её розовые разношенные тапочки. Тапочки пятились.

– Звони, Танюха, на аэродром. Доктору, – приказал Валентин и с грохотом швырнул остатки плоскогубцев на пол. – Пусть срочно приезжает. Скажи – Паршиков сгорел...

Ближе к вечеру, незадолго до конца лётной смены, командир полка решил ещё раз навестить пострадавшего лётчика. Утром было особо не до разговоров: Паршикову оказывали медицинскую помощь; он, по большому счёту, был ещё в шоке; да и время поджимало – полёты, сами понимаете.

Конечно, если говорить откровенно, то командир был вне себя. Ещё бы! В течение суток из строя выбыли два командира звена. Шесть молодых лётчиков остались без своих инструкторов. И это в разгар вывозной программы! Причём, что самое возмутительное, причиной этому послужили не какие-нибудь внешние привходящие форс-мажорные обстоятельства, но исключительно обычное разгильдяйство. Да-да! Самое обыкновенное разгильдяйство, помноженное на вопиющую личную безответственность!

Но, в то же время, командир понимал, что служба службой, но ведь есть же и простые человеческие взаимоотношения. Лётчики и так пострадали. Более того, им, наверняка, сейчас намного тяжелее, чем ему. Ведь на их, безусловно, непростые моральные переживания, кроме всего прочего, накладываются и совершенно конкретные физические страдания!

Кроме того, командир знал, что семья Паршикова находится в отъезде, на «большой земле» и заботиться о лётчике сейчас особо некому. От лазарета Паршиков наотрез отказался, мотивировав это решение тем, что в родных стенах ему привычнее и удобнее, и в настоящий момент, вероятно, лежал дома один-одинёшенек, терзая себя угрызениями совести и жестоко страдая от своих многочисленных ожогов. Совершенно понятно, что командиру полка захотелось как-то подбодрить своего офицера. Конечно, медицина медициной, замполиты тоже своё дело сделают, но забота командира о своём подчинённом, отеческое командирское слово, они, несомненно, имеют особый вес и никогда не помешают...

Ещё на подходе к квартире Паршикова командир услышал жизнерадостный жеребячий хохот, доносящийся из-за двери. Удивлённый комполка толкнул незапертую дверь и вошёл.

В комнате находились двое.

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 11-12).

На кровати, подперев спину подушками, полулежал человек, лицо которого – от затылка до шеи – было густо вымазано какой-то белой жирной субстанцией. Больше всего человек этот напоминал подгулявшего свадебного гостя, упавшего лицом в кремовый торт. Сходство дополнялось тем, что в поднятой руке, тоже перемазанной до самого запястья, «гость» держал наполовину полный гранёный стакан. Держал он его, видимо, чтобы сильно не перепачкать, двумя пальцами – большим и указательным – отведя остальные в сторону, что придавало его позе определённый аристократический шарм. Командир с некоторым трудом опознал в этом «человеке из торта» капитана Паршикова.

Перед кроватью, на стуле, сидел другой капитан – Сорокин: с белой забинтованной культей, торчащей из левого рукава. В здоровой руке у Сорокина тоже был стакан.

Между двумя «погорельцами» на застеленной газетой табуретке стояла уже сильно неполная трёхлитровая банка с прозрачной жидкостью и была разложена кое-какая немудрёная закуска. В комнате сизыми горизонтальными слоями плавал сигаретный дым. Увидев вошедшего командира, офицеры замолчали, а Сорокин даже предпринял попытку привстать.

– Сидите! – махнул на него рукой командир. – Это что?! – указал он пальцем на банку.

– Банка, – не стал отпираться Сорокин.

– А в банке?! – заиграл желваками комполка.

– Спирт, – просто сказал Паршиков. Глядел он при этом немного вбок, как будто страдал косоглазием, поэтому создавалось впечатление, что говорит он с кем-то ещё, находящимся в комнате и видимым только ему одному.

– Спирт?! – удивился командир. – Откуда?!

– Доктор дал, – пожал плечами Сорокин. – Эта, как его... анс... анус... а-нес-те-зия!

– Вам налить? – кротко поинтересовался Паршиков.

Командир помолчал, сдерживаясь.

– Как вообще самочувствие? – наконец спросил он. – Сильно болит?

– Ваще не болит! Ва-аще! – радостно доложил Сорокин и, выдвинув из рукава, поманипулировал в воздухе белой культяшкой. – Анус... анс... а-нес-те-зия ведь! Доктор – ваще красавчик!

– Да вы присаживайтесь, – Паршиков, кокетливо глядя куда-то в сторону и вниз, похлопал свободной ладонью по краю своей постели. – Миша, сообрази стакан для командира... Мы тут, товарищ командир, как раз собирались за закон Ома выпить. Вот только ни хрена вспомнить не можем, напряжение там на сопротивление умножается или делится. Вы, часом, не подскажете?

Командир зашипел, как кобра, и, гремя каблуками, выкатился вон из комнаты. Ему вдогон донёсся очередной взрыв жеребьячьего смеха...

По окончании полётов командир полка приказал никого из лётчиков с аэродрома не отпускать, а после предварительного разбора полётов собрал весь лётный состав в классе. Речь его отличалась краткостью и эмоциональностью.

– Товарищи лётчики! – упираясь кулаками в столешницу и перекатывая тяжёлый взгляд по нашим лицам, сказал командир. – Я настоятельно рекомендую вам думать! Прежде чем что-нибудь делать!.. Или куда-нибудь что-нибудь совать!.. Причём думать, по возможности, тем местом, на которое надевают шапку! А не штаны!.. А то тут некоторые, понимаешь!.. Вольноопределяющиеся! Которым уже, дай бог, по сорок лет! И которым всю жизнь... начиная с детского сада! И учителя в школе! И в училище! И командиры всех степеней!.. Пытались, понимаешь, вырезать на мозгах извилины!.. А наделали, к сожалению, только шрамов!.. Так вот, я рекомендую вам думать! Чтобы не получать обидных травм!.. Несовместимых с человеческим разумом!.. А то, понимаешь, устроили!.. Фарадеи недобитые!.. Два брата-акробата! Цирк, понимаешь, уехал, а клоуны остались!.. И доктор ещё туда же! Потокает! Вместо того, чтобы засадить, понимаешь, укол! Такой, чтоб только лежать могли! На животе! Чтоб в следующий раз неповадно было!.. Закон Ома им, понимаешь, подавай!.. Всё! Все свободны!..

Фраза о травмах, несовместимых с разумом, стала в гарнизоне легендарной и вспоминалась после этого достаточно часто и, как это водится, к месту и не к месту.

Но ещё как минимум один раз эта фраза была произнесена тоже командиром полка и тоже «с высокой трибуны».

(продолжение на стр.14).

(начало на стр. 11-13).

Это был уже совсем другой командир полка, и сказана эта фраза была по совсем другому поводу, но история эта тоже, как ни странно, была связана с электричеством, и мне бы хотелось её здесь привести. В 89-м году из Венгрии по замене в Орловку прибыл капитан Х.

Появление в гарнизоне двадцатипятилетнего холостяка, лётчика, да к тому же ещё и жгучего брюнета, взволновало женское население Орловки.

Капитан Х. был высок, атлетичен и красив. Его слегка восточное, смуглое лицо с орлиным носом нестандартно дополняли ярко-голубые вологодские глаза. Капитан Х. нравился женщинам и знал это. Про такого мужчину сейчас принято говорить «секс-символ» или «мачо», но в те наивные времена мы ещё не знали таких слов.

И никто особо не удивился, когда несколько недель спустя самая красивая официантка лётной столовой – высокая длинноногая блондинка Света – была замечена выходящей утром из подъезда, в котором капитан Х. незадолго до этого получил однокомнатную квартиру.

Вскоре Х. со Светой стали открыто появляться в публичных местах. Любовники не скрывали своих нежных чувств друг к другу: Х. называл свою даму сердца «Светик» и нежно обнимал её за талию; Светик, в свою очередь, называла своего избранника «Вовик» и доверчиво склоняла свою белокурую головку на его плечо. В гарнизоне заговорили о близкой свадьбе.

Но однажды ночью...

(продолжение следует).

• **Невыдуманные истории**

НАПАРНИК

Это произошло в Пеновском районе в шестидесятых годах. Петр работал рыбаком в рыболовецкой артели. Имел репутацию опытного профессионала. Вместе с ним обычно плавал на лодке напарник Владимир. Но однажды случилось непоправимое. В один из осенних дней дул холодный, насквозь пронизывающий ветер. Петр вместе с Владимиром вытаскивали сети. Не в силах противостоять ветру, Петр не смог удержаться в лодке и упал в реку. Течение было очень сильным, и Петр не смог выбраться из сетей и утонул. Напарник не протянул ему руку помощи.

Семья очень оплакивала потерю. Вдовой осталась его жена Галина, сиротами трое детей. Старшая Тамара училась в то время во втором классе. Остальные были мал мала меньше. Галине было тяжело одной поднимать ребятишек. Ей пришлось сменить место жительства и уехать к матери в Петрово, которая тоже овдовела несколькими месяцами раньше. Две вдовы – мать и дочь стали жить вместе.

Рыболовецкая бригада работала в том же ритме, что и раньше. Но, спустя время, произошел еще один подобный случай. Утонул еще один рыбак Напарником его был все тот же Владимир. Односельчан это насторожило. Но еще больше они взволновались, когда утонули еще два рыбака с этим же напарником.

Больше к Владимиру никто не садился в лодку. Никакие уговоры, даже административные меры не помогали. Семья Владимира покинула деревню и уехала далеко от этих мест.

**Галина Ермолаева,
Андреаполь**

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Как и обещали, в этом номере мы сообщаем об итогах стихотворного конкурса «*Любовь-морковь*», длящегося в течение года.

Итак, победителем стал **Игорь Столяров** из города Нелидово.

Мы благодарим всех участников конкурса за активность, хорошее качество стихотворений и желаем дальнейших творческих успехов.

Работы, представленные на конкурс «Любовь-морковь»:

«*Роден – творец любовных поз...*», Светлана Виноградова, Нелидово (октябрь 2013 г.)

«*Устав за урожаем сражаться...*», Светлана Виноградова, Нелидово (ноябрь 2013 г.)

«*Дачник морковку копал не спеша...*», Татьяна Фёдорова, Нелидово (ноябрь 2013 г.)

«*Прощание*», Пётр Бобунов, Нелидово (декабрь 2013 г.)

«*Друзья*», Мария Черкасова, Андреаполь (декабрь 2013 г.)

«*Морковь одушевляя, мы перешли черту...*», Юрий Назаров, Осташков (январь 2014 г.)

«*Семестр за семестром своим чередом...*», Раиса Земскова, Нелидово (январь 2014 г.)

«*Любовь – живых есть Божий дар...*», Геннадий Якушев, Нелидово (февраль 2014 г.)

«*Знакомый воздух Торопацы...*», Владимир Яковлев, п. Бологово – Москва (февраль 2014 г.)

«*У нас очередное развлечение...*», Светлана Миронова, Пено (март 2014 г.)

«*В день влюблённых*», Александр Кучеров, Зеленоград (март 2014 г.)

«*О двух морковках стих недлинный мой...*», Наталья Иванова, Пено (апрель 2014 г.)

«*Я мужа корила фоткой...*», Владимир Невский, Селижарово – Москва (апрель 2014 г.)

«*Нам с тобой в Интернете попала такая картина...*», Игорь Столяров, Нелидово (май 2014 г.)

«*Растеряла любовь на гряде огородной...*», Любовь Егорова, Осташков (июнь 2014 г.)

«*Светлана! Светлана! Светлана!*», Владимир Яковлев, п. Бологово – Москва (июнь 2014 г.)

«*Пара рыжая, нагловатая...*», Наталья Шабанова, Чистая Речка (июль 2014 г.)

«*Росли бы себе, да и горя не знали...*», Пётр Бобунов, Нелидово (август 2014 г.)

«*Полюбовавшись на сплетенье таких лиричных овощей...*», Михаил Никоноров, Андреаполь (сентябрь 2014 г.)

Состав жюри:

Наталья Белякова (директор ЦБС);

Маргарита Петрова, (председатель литературного клуба «Светлячок», журналист, член ТСП);

Александра Хребтова (член литературного клуба «Светлячок», филолог);

Владимир Юринов (член литературного клуба «Светлячок», член ТСП);

**Светлана
Виноградова**

**Петр
Бобунов**

**Мария
Черкасова**

**Юрий
Назаров**

**Раиса
Земскова**

**Любовь
Егорова**

**Наталья
Шабанова**

**Михаил
Никоноров**

**Игорь
Столяров**

**Светлана
Миронова**

**Александр
Кучеров**

**Наталья
Иванова**

**Владимир
Невский**

• И снова «Тело...»

Конкурса на эту тему мы не объявляли, но она так понравилась поэтам, что присланных стихов набралось ещё на целую страницу. («Тело без дела», №2 (35) февраль 2014, стр. 16).

Валентина Никанорова,
Пено

Лежало тело на полу.
Лежало тело
И никого, и ничего уж не
хотело,
И ни о ком, и ни о чем уж
не мечтало...
Оно лежало на полу и...
отдыхало.

А кто-то, сидя у окна,
занялся делом,
Из-под прикрытых век следя
за павшим телом.
Вчера за ужином оно
наобещало,
Что этой ночи на двоих им
будет мало.

Оно шептало: «Ты мне верь,
и будет дело!»
Но... сногшибательная дверь
сразила тело.
И покати́лась ночь к чертям,
душой и телом
(Хотя бы ноги пусть оно
собой согрело...)

И было телу хорошо под
этим взглядом.
Пускай хоть пуфиком в
ногах – и то отрада.
Сознание, тихо возвращаясь:
«Вставай», – шептало.
И только тело у окна... уже
не ждало.

Светлана Миронова,
Пено

Лежало тело под столом. Лежало тело.
На тех, кто говорил: «Подъём!» плевать хотело.
Подняться телу было "в лом", оно устало.
Икнуло тело: "Всё путём!", и отдыхало.
Оно расслабилось слегка на юбилее,
И просто в позе кабачка лежит, балдеет.
Лежит спокойно на полу, и горя мало!
Сегодня можно всё ему... как юбиляру!

Раиса Земскова,

Нелидово

Лежало тело на полу, лежало тело
И это тело из меня сейчас летело.
Из-за него недели три не спал, не кушал,
Из-за него чуть не отдал я Богу душу.
Лекарство мне уже не помогало,
Знать тело в горле намертво застряло.
Мне доктора не верили, смеялись
И тело извлекать не собирались.
Измучившись от голода и боли,
От жалости к своей несчастной доле,
Вливал сорокоградусную воду.
Готовился к летальному исходу.
Но, видно, Там решили всё иначе
(знать, день и час другой был мне назначен)
Во мне всё захрипело, засвистело,
И с сильным кашлем вылетело тело.
То тело инородным называлось.
Оно куриной костью оказалось.

Михаил Никоноров,

г. Андреаполь

ОНО

может лежать вообще. Не по делу.
Может – с элементом приятности.
Это смотря чьё тело
И при каких обстоятельствах.

Пётр Бобунов,

г. Нелидово

Раскинув руки по ковру,
лежало тело,
а снизу, сверху и вокруг
жизнь аж кипела.
Там миллиарды схожих тел,
с тавром на лицах,
качали нефть, инфу, детей,
права и мышцы.
Чтоб под землёй ли, на земле,
в воде ли, в небе,
всегда быть в теме и в струе,
волны на гребне.
А рядом, прямо на ковре,
под той же крышей
лежало тело, как бы вне
и явно – выше.
А что за тело? Мнений много.
Вот я предпочитаю – йога.